

Леонид Ярмольник:

«ПОКА ВЗРЫВАЮСЬ — ЖИВОЙ»

МАЛО КТО ОТНОСИТСЯ К НЕМУ РАВНОДУШНО. ЕГО ИЛИ ЛЮБЯТ, ОБОЖАЮТ, ИЛИ АКТИВНО НЕ ПРИНИМАЮТ. МОЖЕТ БЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО ОН СЛИШКОМ ЯРКИЙ ВО ВСЕХ СВОИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ И ПОЧТИ ВСЕГДА НАЗЫВАЕТ ВЕЩИ СВОИМИ ИМЕНАМИ. ПОСЛЕ СЪЕМОК У ГЕРМАНА ОН СТАЛ ОБЩЕПРИЗНАННЫМ МЭТРОМ. А ПОСЛЕ «СТИЛЯГ» ЗАКРЕПИЛ ЗА СОБОЙ СТАТУС ТАЛАНТЛИВОГО ПРОДЮСЕРА.

Мы встречаемся в бильярдном клубе. Сегодня у Ярмольника свободный вечер. Он приезжает не один, а с дочерью Сашей и неизвестным пожилым человеком. «Познакомьтесь, это Леонид Васильевич, старейший мастер, который делал мой первый бильярдный стол».

Леонид, знаю, что бильярд — ваше давнее увлечение и что вы побеждаете во всех турнирах. И тем не менее, как и когда все началось?

(Довольно улыбается) Очень давно. Первый бильярдный стол мне поставили девятнадцать лет назад, а до этого я уже играл года три, так что моему интересу к этой игре больше двадцати лет. Это сейчас бильярд очень популярен, даже моден, во всяком случае русский бильярд. А энное время назад эта игра была забыта. Мы, Ленька Якубович и я, были первопроходцами. По-моему, существовал только один бильярдный клуб в ЦСКА, а кроме него столов нигде не было.

Что-то новое для себя в интересах, увлечениях, каких-то сторонах жизни открываете сегодня — то, что вызывает азарт?

Я уже такой, какой есть. У меня есть свои пунктики и свои при-

вычки. Ничего нового, сверхъестественного не открываю. Бильярд — это азарт, боулинг — азарт, автомобиль — азарт, актерская профессия — азарт, любовь — азарт... Без азарта вообще ничего не может быть. Всякий раз, когда человек хочет себе и окружающим что-то доказать, — это всегда азарт! *А были минуты, когда этот азарт пропадал: к той же работе, к чему-то еще?*

Как у всякого нормального человека, у меня бывают периоды какой-то депрессии, но, слава богу, они пока не затяжные. Естественно, иногда все надоедает, кажется бессмысленным, ненужным, скучным и бесцельным. Но проходит время, и снова наступает нормальный период.

И в молодости такое случалось?

В молодости намного реже. Это уже приходит с возрастом, когда ты в чем-то сомневаешься глобально. А тогда работать надо было. Доказывать, доказывать, доказывать! Но, в принципе, у каждого рано или поздно возникает ощущение, что попал не туда, что обстоятельства складываются не в твою пользу, что тебя не видят, в тебя не верят, не

*С одной стороны,
он взрослый
мужчина, от-
вечающий за свои
слова и поступки.
С другой — абсо-
лютный мальчиш-
ка, с юношеским
максимализмом
и куражом*

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Родился 22 января 1954 г. в Гродеково Приморского края. В 1976 г. окончил Театральное училище им. Щукина и был принят в Театр на Таганке, где работал до 1984 г. В 1974 г. — дебют в кино, в 1993 г. — на телевидении в роли ведущего, программы «L-клуб», «Золотая лихорадка». Снимался в фильмах: «Сыщик», «Тот самый Мюнхгаузен», «Ищите женщину», «ТАСС уполномочен заявить», «Человек с бульвара Капуцинов», «Паспорт», «Чокнутые», «Московские каникулы» (продюсер), «Барак» (продюсер), «Операция «С Новым годом», «Француз», «Мой сводный брат Франкенштейн» (продюсер), «Законданный участок», «Стиляги» (продюсер) и др. За «Московские каникулы» получил приз «Золотой овен» как лучший продюсер года. В 2000 г. получил Государственную премию и премию «Ника» за роль второго плана в картине «Барак».

замечают. Есть масса всяких глаголов с частичкой «не», которые кажутся совершенно не соответствующими тому, на что ты себя настраиваешь. Но важна реакция организма и мозгов. Есть люди, которые начинают страшно себя жалеть и безумно переживать по этому поводу. А я, наверное, по складу немножко другой человек. У меня неудачи всегда вызывали только активную злость на обстоятельства, на себя. Я считал, что, наверное, не так себя проявляю, не настолько совершенен, чего-то не сделал для того, чтобы что-то произошло именно так, как я хотел.

Вы поступили в театральный институт, училище им. Щукина, со второй попытки. Если бы вас не приняли и во второй раз, вы бы продолжили пробиваться к этой профессии?

Не знаю. Может быть, я бы обиделся на профессию и больше никогда бы не совался.

А может быть, поступал бы много лет.

Сегодня бывает, что вы не знаете, как поступите?

Да, я все время не знаю, как поступлю. То, что ты поступаешь так или иначе, решают какие-то нюансы, иногда абсолютно сиюминутные. У меня нет никаких установок. Речь, естественно, не о порядочности и не о способах поведения в жизни. Мы говорим о творчестве, о выборе: делаю это — не делаю, рискую — не рискую... А это всегда решают мелочи, повторяю, нюансы, даже настроение в тот день или час. *То есть ваше настроение может повлиять на какое-то серьезное решение?*

Конечно! Вообще, настроение человека влияет на все. В хорошем настроении вы сможете понравиться партнеру или ухажеру (улыбается), а в плохом...

Но если вы пришли подписывать какой-то контракт, договор, то должны свое настроение

спрятать, иначе можете испортить все самому себе...

Почему?! Надо стараться быть естественным. Когда происходит становление человека в профессии в имиджевом смысле, он всегда старается выглядеть наилучшим образом, то есть хочет производить впечатление. Но приходит время, когда ты уже действуешь только по сути, не стараешься понравиться. Принимайте меня таким, какой я есть! То есть ты уже не рисуешься. Но до этого момента нужно дожить. Надо его заслужить. Заслужить такую степень доверия окружающих: партнеров, режиссеров и т.д. Де Ниро уже не надо выпендриваться и улыбаться лишней раз для того, чтобы доказать, что он замечательный артист и что сама встреча с ним — это праздник для всех. А, наверное, в то время, когда он снимался в своих первых фильмах, он пытался (и это естественное актерское качество) произвести впечатле-

Кстати, ведь в «Сыщике» вы должны были играть главную роль. Пробы, я слышала, были очень хорошими...

Да, прошло уже много лет, и режиссер Владимир Фокин может подтвердить, что у меня были замечательные пробы. Они были, по-моему, минут на сорок. Он меня много пробовал и очень хотел, чтобы я играл главную роль. Но в те времена человек с таким носом и такими глазами, как у меня, не мог играть милиционера. В еврействе меня не упрекали, но с таким лицом милиционера быть не могло. Госкино мою кандидатуру не утвердило. Эту роль замечательно сыграл Андрюша Ташков. И может быть, это и правильно, как я теперь понимаю, потому что, если бы играл я, это была бы другая картина. Не знаю, была бы она лучше или хуже. Но я очень хотел играть эту роль. Конечно, переживал. Конечно, страдал... Впрочем, я сыграл в этой картине эпизод,

имеет право на ошибку. Но несмотря на то что мы с Сережкой дружба, я буду все равно до конца жизни с присущей мне наглостью думать, что, вот если бы тогда Гайдай утвердил меня, может быть, и кино бы получилось. Потому что роль Хлестакова — это роль, о которой я сожалею больше всего в своей жизни. Таких моментов можно еще нарыть.

Марк Захаров и Владимир Фокин — одни из ваших первых кинорежиссеров. А кого бы вы могли назвать своими учителями в профессии?

Наверное, в первую очередь Юрия Васильевича Катина-Ярцева — это мой хуцрук и человек, который вообще изменил мою жизнь, взяв меня к себе на курс в «Шуку». Были еще театральные учителя в школьные годы... Потом я назвал бы одним из самых ярких людей педагога Алексея Глебовича Кузнецова — человека, сделавшего со мной знаменитый водевиль «Спичка между двух огней», который уже по-настоящему, по большому счету, подарил мне, студенту, ощущение того, что я артист... Естественно, это Александр Анатольевич Ширвиндт. Александр Анатольевич сам по себе яркий не только педагог, но и личность, человек и, конечно же, артист.

И я действительно горжусь даже не тем, что я ученик Ширвиндта, а мне ужасно лестно, что, когда его как педагога спрашивают об учениках, он мое имя называет первым. Вот это мне ужасно приятно: виноват, тшеславен. Я был тем студентом, который ему заказывал такси для того, чтобы он приехал на репетицию (*улыбается*). Это он может подтвердить. Я так ждал его, а репетиции иногда отменялись из-за его занятости, что постоянно заказывал ему такси, чтобы его привезли в институт!..

А с обычными школьными учителями вам везло?

У меня были два любимых, обожаемых предмета — литература

«У МЕНЯ НЕУДАЧИ ВСЕГДА ВЫЗЫВАЛИ ТОЛЬКО АКТИВНУЮ ЗЛОСТЬ НА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, НА СЕБЯ»

ние, показать, что он лучше, чем тот, которого только что смотрели, и лучше, чем тот, которого будут смотреть после него.

Не помните, когда вы приблизились к такой естественности поведения? И после какого фильма поняли, что вас уже знают не только в лицо, но и по фамилии, и для режиссеров вы уже кто-то?

После самых первых фильмов «Тот самый Мюнхгаузен», «Сыщик» — ты уже «как бы» становишься артистом, который был на каком-то счету, когда тебя уже знают, тебе уже что-то периодически предлагают, ты уже иногда мог даже... выбирать, что тогда было редко.

который страна запомнила надолго. По сей день все помнят: «А я говорю — не рычи!..» — и как я плевал на палец и вытирал о подбородок. Может, это единственное (*улыбается*), что осталось из этой картины в памяти тех, кто ее видел. Поэтому, черт его знает, может, не надо расстраиваться — наоборот, нужно радоваться тому, что иногда тебе чего-то не дают... Так же было, когда я пробовался на Хлестакова у Гайдая в «Инкогнито из Петербурга». Сыграл эту роль Сережка Мигицко, опять же, хорошо или плохо, мне трудно судить, потому что картина сама по себе никакая, она не гайдаевская. Любой художник

и физика. Наверное, это всегда зависит от учителей! Была учительница литературы Людмила Леонидовна, которая правильно преподавала — и поэтому я очень любил этот предмет, участвовал во всякой художественной самодеятельности, во всевозможных вечерах, и был учитель физики, которого я обожал, потому что он был ужасно харизматичным. До сих пор помню его имя: Петр Никифорович. Он меня очень ревновал, когда я пошел по гуманитарной стезе. Он-то думал, что я пойду на физмат, я же побеждал на всяческих олимпиадах. **Актеры по своей сути склонны к экспериментам, все время чему-то учатся. В последнее время многие из них виртуозно катаются на коньках. Вы уже дважды сидели в жюри «Ледникового периода». Представляли себя на месте «героев льда»?**

Не представлял, потому что мне тоже предлагали. И Костя Эрнст, и Илюша Авербух. Но мне показалось, что это все-таки не совсем мое. Вернее, если бы это нужно было не для шоу, я бы, может быть, попробовал свои силы. Но я не уверен, что у меня это получилось бы лучше, чем все остальное, или хотя бы так же. Но спасибо ребятам, которые тратят на это время, они работают очень хорошо. Многие пары просто прекрасно выступали. Вообще «Ледниковый период» — симпатичная программа. Конечно, интересно смотреть на замечательных артистов, которых мы любим. И чем известней артист, тем интереснее смотреть на него в этой непривычной ситуации. Если он достигает чего-то, то это вознаграждается аплодисментами, поздравлениями и т.д. Но мне кажется, что их тоже излишне ругают и излишне хвалят, потому что с ними в паре, как правило, катаются олимпийские чемпионы, многократные чемпионы мира и т.д. Я думаю, что все эти ребята такого количества комплиментов, которые получают артисты за то,

что они встали на коньки, не получали даже тогда, когда завоевывали олимпийские медали. В этом смысле у меня срабатывает какое-то ощущение бестактности по отношению к спортсменам. На мой взгляд, не всегда получается сделать это шоу безукоризненным с точки зрения вкуса и такта по отношению к тем и другим — профессионалам и любителям в лице артистов. Когда это получается, это все чувствуют и все радуются. Например, я против того, чтобы участникам делали замечания типа «Разве можно таким шутовым кататься?» или «Подъем не тянет», «А что это за скорость?» и т.д. Я думаю, что это нужно говорить за кулисами. Нужно находить какую-то форму замечаний, которая не будет бить по самолюбию, — это очень важно. Во всяком случае, когда я туда прихожу, стараюсь не столько судить, сколько сделать так, чтобы это было праздником и радостью.

Вы уже долгие годы обходитесь без театра. Не служите нигде

«МОИ ЦЕННОСТИ ВРЯД ЛИ МОГУТ ПОМЕНЯТЬСЯ. У МЕНЯ НЕТ ТАКИХ ДЕНЕГ, КОТОРЫЕ МЕНЯ МОГУТ ИСПОРТИТЬ»

и вообще не выходите на сцену. Знаю, что были попытки, которые не сложились по не зависящим от вас обстоятельствам. Вам не хватает театра?

Так сложилась моя творческая судьба, что я ушел из Театра на Таганке (это было очень давно) и не пришел ни в какой другой. Я действительно без театра обхожусь, но так сложилось, что мне пришлось без него обходиться. Эфрос, придя в наш театр, мне ясно сказал, что он меня не знает и не видит в будущих работах. А я со свойственной мне наглостью ответил ему: «Спусти-тесь этажом ниже, посмотрите,

там висят фотографии из трех-четырёх спектаклей, в которых я немного, но все-таки играю». И добавил, что я могу ему и здесь станцевать, стихи прочесть, пантомимку показать — в общем, «прикинуться» (была такая фраза — «Шукинец, прикинься!»). Но такого желания у него не было. К тому же была разнарядка подчистить трупку. И, с одной стороны, я могу, конечно, до конца жизни расстраиваться, что я не эфросовский артист. А с другой стороны, ну и бог с ним... Я знаю, что, наверное, все равно артист... Ну, не эфросовский, но тоже не хреновый. Для каких-то режиссеров, не менее именитых и великих, чем Эфрос, я все-таки артист. Этим себя и успокаиваю.

Вы ведь очень хотели в «Ленком», но не оказались там. Мне кажется, что это ваш театр...

Захаров очень хотел, чтобы я пришел в театр. Этого хотели и Чурикова, и Леонов, и Янковский, и Збруев, и Абдулов — большинство. И не потому что мы с кем-то друзья, а потому

что они понимали: я — артист, который может занять должное место в труппе этого театра. И мне в этом театре уж точно всегда была бы работа. Но как-то не срослось, потому что тогда существовал худсовет и система голосования...

Когда вы приходите в театр на хороший спектакль, в тот же «Ленком», испытываете чувство зависти к коллегам, стоящим на сцене?

Нет, вот так впрямую у меня зависти такой не возникало никогда. Это не значит, что у меня нет желания играть спектакли. И может быть, это и случится. Может

быть, даже в следующем году. Но говорить об этом преждевременно. Заниматься этим интересно. Но только тогда, когда ты понимаешь, что может получиться что-то стоящее. Чтобы это было не просто: еще раз вышел на сцену для того, чтобы тебя зрители увидели еще в одном костюме, — а чтобы ты сделал нечто такое, когда и в себе самом что-то откроешь, и произведение поймешь, и режиссер будет доволен, что выбрал правильного артиста. Вот если все совпадет, то тогда это в радость. Если этого не происходит по какому-то из компонентов, то тогда это

становится рутинной работой. А я больше всего не люблю, когда моя работа превращается в обыденность. Я занимаюсь профессией, которая подразумевает успех. А успех означает желание зрителя аплодировать, приходить второй раз, благодарить тебя, в том числе, чтобы люди, которых ты ценишь, не просто из уважения пришли, а потом сказали: «Замечательно, что увиделись» — и все. Не знаю, может быть, я такой максималист... ***А в антрепризе не играете, потому что в ней априори нельзя ничего достойного сделать?***

Антрепризу я не люблю. И играть в ней не хочу. Антрепризу делают, как правило, для того, чтобы зарабатывать деньги. Сам факт этого подхода меня не устраивает изначально. Я такой старомодный. Для меня театр — это все-таки нечто другое, не хочется говорить пафосные слова... Я готов зарабатывать деньги, но чтобы это было не главной целью. ***Ваше продюсирование началось с картины Аллы Суриковой «Московские каникулы» только в силу необходимости или вам это хотелось попробовать?***

Это был 95 год. Кино вообще никто не снимал. И за это никто не брался. Это был сумасшедший риск. Это и сегодня страшный риск. Может быть, даже страшнее.

Это произошло случайно, но продолжилось же. Вошли во вкус?

Я ненастоящий сварщик (улыбается), но у дилетантов есть какое-то преимущество перед профессионалами. Я делаю конкретные проекты с конкретными людьми и только на те темы, которые мне нравятся. Мое продюсерство заключается в том, что, когда я верю в проект, верю в режиссера, в то, что это действительно сегодня нужно, я на этот проект нахожу деньги. Вот и все. Мне верят люди. Значит, я как авторитет в своей профессии достаю деньги. Расходуют их уже другие люди. И отвечают за них другие люди. И планируют тоже. Вот и все мое продюсерство. Я удовлетворен своей продюсерской деятельностью, потому что на моем счету есть такие картины, как «Московские каникулы», «Барак» и, в конце концов, «Стиляги». Я горжусь тем, что Валера Тодоровский дал мне возможность проявиться как продюсеру и что «Стиляги» переживут еще нас с ним, а значит, мы не зря небо коптили.

Но ответственность за то, чтобы эти деньги вернуть, лежит на вас?

Хочу вам сказать, что я ни за одну картину еще не вернул деньги. В нашей стране это

С лучшим другом Александром Абдуловым

С женой Оксанией Ярмолик — они вместе уже больше двадцати пяти лет

С Валерием Тодоровским — другом, картины которого актер продюсирует в последние годы

невозможно. Нет единого билета, все воруют. Диски левые, Интернет ворует. И никто нас не защищает. Здесь тысячи вопросов, это не тема этого интервью. И поэтому успешное кино, не успешное — результат почти одинаков: деньги не возвращаются. Прокат «Стиляг» был замечательным, при этом мы не собрали даже половины суммы долга. О зарплатке вообще никто не говорит.

«Ярмолик умеет зарабатывать деньги» — это говорят как в положительном, так и в отрицательном смысле...

А вас в каком смысле интересует? Как удалось при этом не превратиться в жлоба, чтобы ценности совершенно не поменялись?

А я зарабатываю столько, что ценности вряд ли могут поменяться. У меня нет таких денег, которые меня могут испортить (улыбается). Если бы мне на голову свалились миллиарды и я бы при этом остался таким же, тогда этот вопрос был бы правомочным. А те деньги, которые у меня есть, могут быть у любого человека, который всю жизнь работает. И поэтому то, что хочу, я могу купить. То, что мне нужно, у меня есть.

Но вам удавалось зарабатывать и в советское время, и машина появилась тогда, когда они еще были далеко не у всех. А ведь тогда ставки в театре и в кино были у всех одинаковые, то есть исходя из званий, а не из популярности и таланта.

Да, было так. Но и в советские времена можно было зарабатывать. Поездками, творческими вечерами. Мы действительно много ездили, с Сашей Абдуловым в основном. Но это отдельная история. Важно было, чтобы на тебя приходили люди. Чтобы объявляли твое имя — и собиравался зал. Все так же, как во все времена. Так же, как и сегодня.

Помните ваш первый гонорар, первую покупку на эти деньги?

Покупку, которая была для вас чем-то таким...

Да у меня всю жизнь так было. Первый видеомагнитофон был чем-то. И первые «Жигули» были чем-то. Потом таким же чем-то были «Мерседесы», дача, квартира и т.д. Для меня это и сегодня является чем-то, потому что каждый раз я на эту покупку зарабатываю, у меня нет свободных денег. Значит, когда я задумываю что-то приобрести себе или дочери, я должен сосредоточиться и понять, когда я смогу заработать столько, чтобы осуществить эту покупку. А радость от «Мерседеса» абсолютно такая же, как от первых «Жигулей».

Вам важно, как вы выглядите? Говорят, что многим людям, добившимся чего-то определенного, становится неважно, что на них надето — хоть в трусах выйди...

Ну и я могу выйти в трусах. Только люди подумают, что я сошел с ума. Нет, важно, конечно, во что одет. Но не важно настолько, что не выйду в этом. Такого нет, но если успеваю одеться так, как надо, — зеленое с зеленым, а не синее с... — то это замечательно.

Марка, фирма, дороговизна играют роль?

Нет. Но дешевых вещей я не покупаю и не покупал по определению, даже когда был молодым, потому что хорошая вещь всегда должна стоить денег. Даже

в советское время было ясно, что лучше купить не румынские сапоги, а достать итальянские или чешские. И что рубашка лучше югославская, чем фабрика «Большевичка». Но югославская и стоила в десять раз дороже. И джинсы индийские, помню, фирмы «Милтонс» всегда были много хуже, чем американские. **А когда у вас первая заграница случилась?**

По существу, когда мы в ГДР поехали снимать натуру в «Тот самый Мюнхгаузен». И в тот же год была Чехия (тогда Чехословакия), по-моему, туристическая поездка от ЦК комсомола почему-то (*смеется*). Я страшный «комсомолец» в кавычках. Уже не помню, почему меня решили премировать, и я на несколько дней ездил в Прагу.

И что произвело самое сильное впечатление?

Чистота. И то, что есть масса вещей, которые просто берешь и покупаешь. Это касалось и одежды, и еды. Конечно, это впечатляло. Но сейчас это уже никому не объяснишь. И слава богу, что не объяснишь. Но главное, что меня и сегодня поражает, когда уезжаешь за границу, — это чистота.

А у нас в хорошем смысле сегодня ничего не поражает?

Размер. Поражает только размер страны. И размах идей и обещаний. Видел растяжку «Слово держим. Дело делаем». Там только третьей строчки не хватает: «Ни... не получается».

Вы как-то сказали: «Я состою из друзей...» Сейчас очень часто слышишь, в том числе от ваших коллег, что времени на друзей нет совсем и что это вообще излишняя роскошь, лучше редкие свободные часы провести с книгой, у киноэкрана, на фитнесе или просто на диване...

У меня уже все меньше и меньше остается собеседников для общения, потому что, к сожалению, половина из них умерли. Нет Олега Янковского, ради которого я мог отменить все

и общаться с ним, и это всегда было интересно, нет Сашки Абдулова, нет Лени Филатова. По счастью, есть у меня еще друзья, с которыми я с удовольствием провожу время. И они не обязательно артисты. Это и врачи, и ученые, и самые-самые простые люди. Но все равно все нужно фильтровать. И естественно, нужно какое-то время проводить с книжкой, какое-то — с телевизором, какое-то — с семьей. Не всегда получается выполнять весь график. Но жизнь есть жизнь. Она вносит свои поправки.

Но фраза «отменить все ради...» дорогого стоит.

«К МОЕЙ СУДЬБЕ У МЕНЯ НЕТ ПРЕТЕНЗИЙ. ВСЕ БЫЛО ВОВРЕМЯ, В МЕРУ ГЛУПО И В МЕРУ ТАЛАНТЛИВО»

Конечно, если человек тебе действительно дорог... Ну, не все, конечно. Отдать предпочтение, скажем.

А как вам удается оставаться таким же эмоциональным, азартным, как в юности?

А вы видели других?! Все нормальные люди такие.

Кстати, а как идет ваша борьба с вашей врожденной вспыльчивостью — успешно?

Никак. Пока взрываюсь, значит, живой.

Родные и друзья уже, наверное, знают, как с вами обходиться в таких ситуациях, на какие клавиши нажимать?

Наверное, да. Но, вообще, я считаю это бессмысленным. Потому что все равно добыю и до скандалю. Чтобы доказать что-то, я готов много раз, если уважаю человека, а он чего-то не понимает, объяснить ему это и с одной стороны, и с другой. Да, здесь со мной нужно иметь терпение. В этом смысле я мало изменился.

Если бы у вас была машина времени, вы бы изменили что-нибудь

в своей жизни? И в какой период времени хотели бы вернуться?

Я бы вернулся, наверное, в 80-е годы, а если точнее, в конец 70-х — начало 80-х. Это были самые яркие годы. Моя женитьба. Рождение ребенка. Первая квартира. Это первые шаги (а это очень важно), в результате которых зрители тебе начинают симпатизировать, доверять и запоминать твое лицо, твое имя. Это первые значительные удачи в кино, когда что-то получалось. И это были самые счастливые годы жизни. Изменить ничего бы не хотел. Как все в моей жизни происходило, пусть так и остается. К моей

судьбе, к моим поступкам у меня нет претензий. Все было вовремя, все было в меру глупо и в меру талантливо. И претензий к себе, что я что-то такое проморгал, пропустил, не успел, у меня нет. Конечно, в молодости амбиций было больше, но они в основном связаны с конкретикой. Я переживал, что не сыграл Хлестакова, еще что-то, что это играет кто-то другой, а моя жизнь актерская не сложилась. Но жизнь умнее нас. И если тебе суждено делать что-то свое, то ты это сделаешь. Судьба в результате подарила мне встречу с Германом, одним из самых великих режиссеров, который столько лет меня терпит, а я терплю его (*смеется*). Надеюсь, что это терпение будет оправдано в тот момент, когда все увидят картину «Трудно быть богом». Так что, может быть, хорошо, что я не снялся в каких-то фильмах, а снялся в других, которые и привели к тому, что вы сейчас сидите напротив и берете у меня интервью (*улыбается*).